

УДК 32.019.51

Политический миф: образ, идея, событие

Мясникова Людмила Анатольевна

Доктор философских наук, профессор,
проректор по научной работе Гуманитарного университета,
620041, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3;
e-mail: nauka-gu@mail.ru

Шумихина Марина Николаевна

Аспирант,
Гуманитарный университет,
620041, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3;
e-mail: shmnsk@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу политического мифа и его связи с архаическим мифом. Политический миф выявлен как превращенная форма архаического мифа. Представлен как миф-идея, миф-образ, миф-событие, при этом показана роль ритуала в превращении мифа-идеи в событие. Рассмотрено также превращение политического мифа в социокультурное политическое пространство.

Для цитирования в научных исследованиях

Мясникова Л.А., Шумихина М.Н. Политический миф: образ, идея, событие // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 20-35.

Ключевые слова

Миф, политический миф, миф-идея, миф-образ, миф-событие, идеология, идеологическое пространство.

Введение

В истории культуры неоспоримым остается тот факт, что с мифом связан первичный способ освоения мира человеком, который никогда не исчезает из культуры, выполняя в ней множество важных функций.

Превращенные формы мифа относятся к другим типам мировоззрения (религиозному, научному, художественному...). Вместе с тем, в них не исчезают и те свойства, которые характеризуют миф «сам по себе» (архаический миф), к таким превращенным формам относится и политический миф. Он создается идеологами для манипулирования общественным сознанием, но, имея корни в архаическом мифе, он всегда больше, чем просто манипулятивная идея. Эта двойственность входит в суть, в природу политического мифа.

Цель статьи – выявить специфику политического мифа, его элементы, чтобы понять, каким образом политическая идея, облаченная в мифологические формы, становится «правдой жизни».

Миф как исток политического мифа

Корни мифа уходят к начальному периоду первобытного общества и связаны со спецификой мышления первобытного человека. Я.Э. Голосовкер доказал, что основой мифа является воображение: «Воображение изобрело миф: мир, в котором были сокрыты истины, невыразимые по-обычному мыслью – словом. Оно создало мир символов и символических существ, в которых выдумка сочетается со смутно чувствуемым и предчувствуемым знанием истины» [Голосовкер, 2012, 66]. Миф выступает как носитель собственной истины. По словам О.М. Фрейденберг, «Мифология – выражение единственно возможного познания, которое еще не ставит никаких вопросов о достоверности того, что познает, а потому и не добивается ее» [Фрейденберг, 2007, 18], отсюда основой мифа является доверие. Отношение к миру строится именно на доверии, ведь у первобытного человека изначально нет веры в миф как в реальность, да и «мифически мыслящий человек не нуждался в вере, миф для него и есть реальность как существующая чувственно-переживаемая действительность, кото-

рая принимается такой, какой она предстает в непосредственном впечатлении. То есть миф не просто рассказ, миф – это событие, это сама реальность. При этом, само событие вырастает из образов, которые творит воображение. По мысли Э.Кассирера, «Миф живет в мире чистых образов, представляющихся ему вполне объективными, более того – как сама объективность». И этот «образ» не представляет «вещь» – он и есть эта вещь, потому что мифологическому взгляду свойственна подлинная нерасчлененность, мысленная и реальная «индифферентность» целого и частей, где «часть представляет собой, с точки зрения мифа, все ту же вещь, что и целое, поскольку является реальным носителем действия» [Кассирер, 2011, 50]. Главное свойство мифа – синкретизм, где сказанное и воображаемое совпадает с действительным, чувственное не отделено от рационального, слово, дело, вещь взаимозаменяемы.

Мышление создает образы, а сознание удерживает их, поэтому мышление и сознание – это не одно и то же, «сознанием можно считать лишь то, что выражает объективную реальность, образы и представления вещей. Операция мышления заключается в воображении и соединении вызванных из памяти образов и представлений» [Пивоев, 1991, 41]. По нашему мнению, классический миф является квинтэссенцией данных составляющих.

Классический миф породил вечные образы Героя, Врага, Друга, Чуда и т. д., на основе которых исторически конструировались самые различные мифы. Структуру мифологического образа детально выразила в своем исследовании Л.Н. Воеводина, она пишет: «Особенностью мифологического образа является единство слова, имени и действительности. Мифологические образы, по сути, персонажи, которые исполняют определенные роли. Субъект мифологического сознания вписывает мир вещей, событий, различные общественные явления, других людей в архетипические структуры, тем самым добиваясь того, что неизвестное и незнакомое теряет свой устрашающий отчужденный характер, «присваивается» и делается понятным, своим» [Воеводина, 2012, 50-51].

В мифе образ и идея не отделены друг от друга. У Платона понятие «эйдоса» также относится и к идее и к образу. По Платону, «эйдосы» – это образы-идеи предназначения вещей, в соответствии с которыми они творят окружающий мир. Платон считал, что только идея обладает подлинным бытием. Идея

как начало всего есть нечто идеальное, неизменное и вечное. Вещи – это подобие идеи; чтобы найти «истины всех вещей», надо «обратиться к началам» [Платон, 2012, 186], по существу, идеи для Платона – это смысл, сущность вещи.

Миф обретает бытие посредством слова, вещи, но в то же время является повелением к действию; такие символические действия, как ритуал, обряд, церемония, танец, одним словом, все то, что связано с магией, в разной степени может быть вдохновлено мифами, но при этом сами действия мифами не являются. По Делезу, действие есть результат события. «Ритуал не есть реакция на жизнь. Он есть реакция на то, что из жизни сделала мысль. Он не соответствует непосредственно ни миру, ни опыту мира, он соответствует лишь тому образу, в котором человек мыслит мир» – писал К.Леви-Стросс. [Леви-Стросс, 1978, 94-95].

Человек не является сторонним наблюдателем события, событие осуществляется в самом человеке, т. е. является частью его жизни и сознания (точнее – встречи сознания и жизни), «переживать их – значит невольно отождествиться с ними, как если бы они удерживали во мне все самое лучшее и совершенное, что в них есть» [Делез, 2011, 195]. По мысли Ж.Делеза: «Событие – не то, что происходит (происшествие), оно внутри того, что происходит, – чистое выраженное, подающее нам знаки и ожидающее нас» [там же, 196]. Мифологическое сознание и бытие представляют связь состояний, которая и формирует «событие». Миф как событие моделирует «картину мира» в сознании человека. Событие дает ощущение себя в единстве с миром, как нечто целое. Через событие человек ощущает свою значимость, причастность к происходящему. Такое существование не вызывает вопросов и не ищет понимания, потому что событие предполагает смысл, ибо смысл – это всегда событие встречи человека с миром, опыт понимания мира. Смысл наполняет духовность, дает вдохновение к деятельности, творчеству, дает надежду, хотя мотивировать человеческую деятельность смысл может только в том случае, если он включает в себя момент субъективного самополагания, стремления субъекта, опираясь на смысловые связи, реализовать, воплотить в реальное бытие свои проекты, замыслы и идеи.

Миф как событие проживается-переживается, при этом временные границы приобретают особые свойства, по словам М.Элиаде, человек выходит из хронологического, светского времени и вступает в пределы «сакрального» времени, «одновременно исходного, первоначального и вместе с тем бесконечно повторяющегося» [Элиаде, 2010, 27-28]. Это одна из важных функций мифа, которая сохраняется и в иных мифических формах.

Миф как первичная форма культуры подвержен трансформации. Проблема трансформации мифа исследовалась О.М. Фрейденберг, Е.М. Мелетинским, Э.Я. Голосовкером и др. Один из самых пролифических анализов трансформации мифа был представлен К.Леви-Строссом (его идея мифемы или трансформы), он писал: «Трансформации, переводящие один вариант одного и того же мифа в другой, один миф в другой миф, одни и те же или разные мифы из одного общества в другое, воздействуют то на схему, то на код, то на сообщение, однако миф как таковой не прекращает при этом своего существования; таким образом, трансформации соблюдают своего рода принцип сохранения материи мифа, согласно которому из любого мифа всегда может выйти другой миф» [Леви-Стросс, 1985, 77].

Политический миф: от мифа-идеи к мифу-событию

Тот факт, что политический миф имеет архаические корни, обосновывалось неоднократно. М. Элиаде писал: «Мифологическое мышление может отбросить свои прежние устаревшие формы, может адаптироваться к новым социальным условиям, к новым культурным поветриям, но оно не может исчезнуть окончательно» [Элиаде, 2010, 175]. Для А.Ф. Лосева мифология есть вечно становящееся человеческое мышление, которое отражает «текучую», «беспокойную и творчески развивающуюся историческую действительность». [Лосев, 1996, 15].

Обращаясь к специфике политических мифов, невозможно уйти от исторической конкретики, ибо их зарождение неразрывно связано с историческим развитием самого общества. Время начала процветания политических мифов – это период появления первых государств, так как с самого своего возникнове-

ния государство и связанные с ним формы правления нуждались в оправдании, легитимации. Но как государство в своем становлении охватывает значительный временной отрезок, так и трансформация мифов в политические мифы, исходя из исторических и социальных реалий, происходила достаточно длительное время.

Говоря о политическом мифе, мы говорим о власти. Начало зарождения политических мифов относится к периоду появления племенного неравенства и выделения властной верхушки. По мнению Н.И. Шестова, появление политических мифов было вызвано отчасти существованием конфликтов по поводу власти. Эти конфликты могли приобретать самые разнообразные формы и содержания, отсюда «возникла потребность в обосновании возможности применения для их разрешения именно такого порядка действий, который имел место в другой сходной ситуации» [Шестов, 2005, 181], т. е. власти всегда искали опору в традиции, и это было правильным, ведь, как писал М.Элиаде, «К главному приходят удивительным образом – поворачиваясь вспять» [Элиаде, 2010, 115].

Формирование общественного неравенства, усложнение структуры общества сказалось на изменении специфики и свойств мифа. Миф этизируется и рационализируется. Первичный синкретизм ставится под вопрос. Из мифа появляются другие формы общественного сознания (религиозное, художественное, научное) но миф не исчезает, а продолжает жить и выполнять свои функции, как в «снятых» формах, так и в своем первоначальном проявлении.

Специфика политического мифа проявилась и в его двойственном характере, о чем писал еще Э.Кассирер. Он отмечал, что, с одной стороны, политический миф – продукт массового сознания, возникший при определенных условиях, а с другой – продукт целенаправленного идеологического производства [Кассирер, 1993, 157-158].

Политический миф рождается и живет в социально-политической реальности. Сферой распространения и существования политического мифа становится идеологическое пространство, а идеология – его «колыбелью». Существование проблемы множественности подходов как к идеологии, так и к политическому мифу иногда создают предпосылки к отождествлению этих

понятий. Так ли это? Исходя из понимания того, что появление первых идеологий также связано с возникновением государственности, рассмотрим более подробно основы взаимосвязи между политическим мифом и идеологией.

Происхождение самого понятия «идеология» обозначено в науке более поздними временными рамками, нежели начало его объективного появления. Данная категория была введена в научный оборот только в начале XIX века французским философом и экономистом А. Дестют де Траси (1754-1836 гг.), который рассматривал идеологию как учение об идеях, устанавливающее твердые основы для политики, права, этики и т.п. В его трактовке, идеология должна была стать наукой о происхождении человеческих мыслей, об их взаимосвязи и их влиянии на жизнедеятельность людей.

Классическая теория происхождения идеологии считает, что идеологии создаются теоретиками и публицистами, однако корни идеологии (здесь мы говорим именно о политической идеологии) нужно искать намного глубже.

Появление идеологий – это ответ на запросы и потребности самого общества. Широкое научное поле интерпретаций категории «идеология» приводит нас к культурологическому описанию данного феномена, которое принадлежит К.Гирцу: «Чем бы ни были идеологии (проекциями неосознанных страхов, вуалированием скрытых мотивов, добровольными (phatic) выражениями групповой солидарности), они прежде всего суть карты проблематичной социальной реальности и матрицы, по которым создается коллективное сознание» [Гирц, 2004, www].

Отмечая значительную роль идеологии в жизни государства и общества, К.Гирц пишет: «Задача идеологии – сделать возможной автономную политику, создав авторитетные концепты, которые бы придали ей смысл, и убедительные образы, которые бы сделали ее доступной для восприятия» [там же]. Непосредственной причиной идеологической активности автор называет утрату ориентиров и «неспособность, за отсутствием подходящих моделей, постичь универсум гражданских прав и обязанностей, в котором оказывается индивид» [там же].

Идеология представляет собой некую систему, модель, сотканную из политических мифов, которая принимается определенными группами общества в качестве истинных без строгих доказательств. Но это не всегда целенаправ-

ленно разработанная группой или одним человеком идеологема (например, как в случае с идеологиями XIX-XX века – фашизмом, коммунизмом и т. д.), а, возможно, результат символического мышления, и, как следствие, стремление закрепить определенные стандарты поведения.

Любая идеология формирует особый тип мышления, она направлена на изменение сознания человека. Идеология как первоначально теоретическое консолидирующее начало всего в государстве задает вектор его дальнейшего развития. Она представляет собой концентрацию идей, ту самую «матрицу Гирца», по которой формируется сознание человека. Если идеи, сообщения соответствуют потребностям и интересам людей, они принимают их как истинные. Эти идеи несут в себе заряд сверхъестественного, сакрального, мы их называем мифы-идеи. По словам А.Кольева, «Идея и миф не могут быть в основе своей противопоставлены. В основе и одной и другой формы лежит родовой опыт человека, зафиксированный в архетипах» [Кольев, www]. Мифы-идеи целенаправленно конструируются и предназначены для определенной аудитории, в них присутствует рациональность, но эта рациональность относительна. Создатели мифов-идей в своих изысканиях опираются на те «вечные образы», которые выполняли функции социализации, консолидации и т. д. общества еще с первобытных времен. «Изобретатели» берут мифические образы и творят на их основе новые идеи, так в саму идею изначально закладывается «священность», и в этой ситуации идея задает образ. Для самих же создателей политических мифов такое положение достаточно опасно, они могут легко попасть в оковы собственного мифотворчества. Бывает, что идеи не опираются на «вечные образы»; такие идеи подвержены быстрому исчезновению. Выявление данной двойственности приводит нас к разделению политических мифов на технологические и «вечные» [Цуладзе, 2003, www]. По мнению А.Цуладзе, технологические мифы создаются для реализации сиюминутных политических задач, «вечные» – основаны на архетипах, и их практически невозможно уничтожить, поскольку эти мифы глубоко укоренены в менталитете народа. «Это вечные сюжеты, как-то: борьба Добра и Зла, обязательный Герой и его антипод, выступающий в роли «врага». Такие мифы либо блокируются, подменяются, либо актуализируются, но не исчезают бесследно», – пишет А.Цуладзе

[там же]. С технологическими мифами можно бороться на рациональном уровне, они более рационализированы, направлены на решение властных задач, обслуживают идеологическое пространство социально-политической реальности. Поэтому можно согласиться с А.Цуладзе, который считает их «псевдомифами». Вместе с тем абсолютной границы между «технологическим» и «вечным» («настоящим») мифом нет. С одной стороны, политический миф пользуется архетипическими образами и символами (например, медведь как символ партии «Единая Россия»), с другой же, сам А.Цуладзе справедливо полагает, что технологические мифы являются своеобразной «подпиткой» для «настоящих» мифов. Технологические мифы помогают политику и идеологу не просто создать какой-то идеологический конструкт, а вписаться в вечный миф; тем самым вечный миф помогает решать сиюминутные задачи.

В основе создания политического мифа-идеи лежит не просто воображение, а творческое воображение. «Творческое воображение не слепо воспроизводит то, что вбрасывает память на его экран. Воображение выбирает: оно и выискивает из склада памяти, оно выхватывает из роя реющих образов ему нужное. Состояние, когда выбор этот мгновенен, совершается без размышлений, само собой, и при этом до того точен и логичен, что нам кажется, будто кто-то внутри нас или с какой-то «духовной высоты» его диктует нам, и все совершается в нас с какой-то словно необходимостью «свыше», – такое состояние называется вдохновением: инспирацией. Это «свыше» и есть повелительный и колдовской голос воображения». «Без воображения не было и «великой политики» [Голосовкер, 2012, 72-73]. Думается, что именно таким образом и появляются идеологии, основу которых составляют политические мифы.

Мифы-идеи создаются и реализуются при помощи самых различных средств. В XXI веке – это искусство, реклама, СМИ и т. д., вместе они несут вечные мифические истины, которые формируют сознание человека. Особенно велика в этом отношении роль искусства. «Неудивительно, что Сталин, который называл писателей «инженерами человеческих душ», поставил их на службу государству. Советские писатели конструировали по заказу вождя героические образы, которые затем завладевали воображением миллионов советских людей. Посадить писателей на государственное довольствие и превратить

их фактически в разновидность чиновников – это было дьявольски гениальное решение. Советские литераторы под неусыпным личным контролем Сталина пестовали новую государственную мифологию, получая за это зарплату и премии», – пишет А.Цуладзе [Цуладзе, 2003, www].

Далекое прошлое также дает немало интересных фактов влияния политических мифов на настроение народных масс через искусство и рекламу. Так, к примеру, у римлян был обычай: впереди колесницы триумфатора шел глашатай, рассказывавший о его великих делах. А позади колесницы следовал шут, выкрикивавший самую оскорбительную правду о триумфаторе [Мединский, 2010, 97]. Политический контекст в древнеримском искусстве особенно ярко проявился в I веке до н. э. после падения республики и провозглашения империи. Ярким тому доказательством служит «Алтарь мира Августа». Через величественные изображения императорской семьи Октавиан Август как будто стремится донести до народа, что появилась новая династия, которая может управлять вечно.

Далеко не каждый человек задумывается над смыслом жизни и стремится к пониманию подлинности своего существования. Политические мифы-идеи для того и существуют, чтобы дать человеку смысл. Историческое прошлое России хранит немало имен политических деятелей, которые посредством создания политических мифов-идей вершили судьбы русского народа.

Посредством мифов обеспечивается порядок в государстве, но для этого мифы-идеи должны стать Событием. Сконструированные политические мифы-идеи через мифы-образы, включенные в восприятие мира сознанием человека, превращаются в мифы-события. Миф-событие – это сплав реально произошедшего, понятого, осмысленного. Его истинность проявляется через солидаризацию. Оседание идеи в реальном пространстве социума происходит через образность. Смысл через символ-образ входит в событие. Но от мифа-идеи к мифу-событию лежит долгий, а иногда и тернистый путь. Чтобы миф-идея стал мифом-событием, возникает необходимость в создании своего рода «обрядов» и «ритуалов», которые ведут к переживаниям, проживанию мифа. Обряды и ритуалы – внешние механизмы, которые помогают укоренению мифа, превращению мифа-идеи в жизнь, в событие.

Ритуалам как способу перевода мифа-идеи в жизнь уделялось огромное внимание и в Римской империи, и в Прусском государстве, и в СССР, и в фашистской Германии, и т. д. Миф-идея выражается в лозунге, лозунг подкрепляется видимым чувственным символом-образом, прорабатывается через ритуал и становится жизненным событием. Например, лозунг: «Пионер, к борьбе за дело коммунистической партии будь готов!» предполагает ответ: «Всегда готов!», подкрепляется символикой красного галстука, три конца которого означают единство коммунистов, комсомольцев, пионеров, закрепляется пионерскими ритуалами (пионерский салют, линейка, подъем флага, клятва и т. п.).

Особую роль в изменении сознания человека играет также трансформирующееся социальное пространство. Политический миф – идея, это не просто «мысль», находящая свое выражение в знаках и символах. Миф-идея творит социальное пространство, что выражается в архитектуре и архитектонике городов, в обустройстве и названии улиц и площадей, наличии плакатов с идейными призывами, с изображениями политических лидеров, в новой идейной символике, несущей в своей конструкции идеологические идеи. Фактически создается единое мифическое, социально-культурное, идеологическое пространство.

Понятие идеологического пространства намного шире самого понятия идеология. Если идеология зачастую задается извне, мифы-идеи конструируются властью, мыслителями и т. д., то идеологическое пространство может обладать внутренней динамикой, это «почва», в которой укоренен человек. Все образы, символы и знаки идеологического пространства воспринимаются как естественное, родное, свое, вызывают эмоциональный отклик («И дым отечества нам сладок и приятен!»). Идеи могут критиковаться, отвергаться, а попробуй отказаться от своей основы.

Словенский культуролог и социальный философ Славой Жижек дает ответ на вопрос, как же поддерживается идентичность конкретного идеологического поля вне зависимости от его содержания? Автор, вслед за французским философом, специалистом по психоанализу Ж.Лаканом говорит о так называемых «идеологических пристежках». Идеологическое пространство содержит

несвязанные между собой элементы – «плавающие означающие», но если их «пристегнуть», например, к полю «коммунизма», то «классовая борьба» придает точное и фиксированное значение всем другим элементам идеологии». Таким образом, в идеологическом пространстве всегда присутствует «главное означающее», которое задает иным «означающим» определенное направление. [Жижек, 1999, 45]. В нашей ситуации в идеологическом поле всегда присутствует центрообразующий миф-идея, но «пристегивание» к идеологическому пространству может произойти только через образную символику, ритуал и появление мифа-события. И тогда идеологическое пространство дает надежды, ожидание, переживание, причастность к происходящему, целостность. При этом человек не ощущает границы идеологического пространства, хотя понимание мира, окружающей действительности ограничено его рамками. В этом смысле идеологическое и мифологическое пространство совпадают.

Выводы

Появление политических мифов связано с усложнением структуры общества и социальным неравенством. Политический миф – превращенная форма «мифа самого по себе». С одной стороны, он создается политиками-идеологами для реализации политических целей, с другой, будучи все же хоть и «раненым» (рационализированным, этицированным, разрушающим изначальный синкретизм), но все же мифом, он несет в себе зерно, силу и свойства архаического мифа. Соединение идеи, образа, подкрепленное действиями-ритуалами, превращает политический миф в событие человеческой жизни. «Оседая» в архитектонике жизненного пространства человека, политический миф переходит в саму жизнь и становится «почвой» бытия человека, основой самоидентификации и развития как индивида, так и общества.

Библиография

1. Воеводина Л.Н. Структура мифологического образа и социальная драматургия // Вестник МГУКИ. 2012. № 1 (45). С. 50-55.

2. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/index.php
3. Голосовкер Я.Э. Имагинативный абсолют. М.: Академический Проект, 2012. 318 с.
4. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 114 с.
6. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С. 153-164.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. М.: Академический Проект, 2011. 279 с.
8. Кольев А. Мифы нации и «консервативная революция». URL: http://www.zlev.ru/56_1.htm
9. Леви-Стросс К. Как умирают мифы // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 77-88.
10. Леви-Стросс К. Миф, ритуал и генетика // Природа. 1978. № 1. С. 90-106.
11. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
12. Мединский В.Р. О том, кто и когда сочинял мифы о России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 240 с.
13. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. М., 1991. 111 с.
14. Платон. Философские беседы (диалоги): Евтифрон. Апология Сократа. Критон. Федон. М.: Либроком, 2012. 346 с.
15. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 894 с.
16. Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003. URL: <http://journal.chuvsu.ru/index.php/medya/elektronnaya-biblioteka-po-zhurnalistike/255-politicheskaya-mifologiya-m-izd-vo-eksmo-2003-384-s-tsuladze-a>
17. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: Олма-пресс, 2005. 414 с.
18. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010. 251 с.

Political myth: an image, an idea, an event

Lyudmila A. Myasnikova

Doctor of Philosophy, Professor,
Vice-Rector of the Liberal Arts University,
620041, 3 Zheleznodorozhnikov str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: nauka-gu@mail.ru

Marina N. Shumikhina

Postgraduate,
Liberal Arts University,
620041, 3 Zheleznodorozhnikov str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: shmnsk@mail.ru

Abstract

The subject of analysis in this article is a political myth, analyzed within the philosophical and cultural approach. Purpose of the article is to identify the specificity of the political myth, its elements, to understand how the political idea, dressed in mythological form, becomes a "true life". Political myth appears with the formation of political structures and the first states. It is created by politicians, ideologues to legitimize power relations and to control the mind, mood, behavior of people; it becomes an integral part of the ideology. The political myth is a converted form of "myth itself" (archaic). Therefore, this article briefly introduces the essence of the myth: the reliance on trusting consciousness, the indivisibility of tale and reality, of sensual and rational components, interconnection and interoperability of word-things-things, of animism and personification, of logic and imagination etc. In the political myth of the dominant role played by the rational idea. Political myth carries the seed of "myth itself", using its strength, relying on its features. The article reveals the specificity of the political myth as a "myth-idea" in its relationship with ideology. It is noted that, solving immediate problems, political myth is based on the eternal archaic images and symbols, which are rooted in the mentality of the people. Working with

art, religion, science through the media, advertising and other forms, the idea connects with the image-symbol and directs the actions of people, supported by rituals, and finally turns into a "myth-event". "Myths-events" are seen by people as a reality, as the phenomena of life. "Myths-ideas" settle itself in the space of human existence in its architectonics and symbolism.

For citation

Myasnikova L.A., Shumikhina M.N. (2015) Politicheskii mif: obraz, ideya, so-bytie [Political myth: an image, an idea, an event]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, pp. 20-35.

Keywords

Myth, political myth, myth-idea, myth-image, myth-event, ideology, ideological space.

References

1. Cassirer E. (1962) *The Myth of the State*. New Haven, London: Yale University Press. (Russ. ed.: Kassirer E. (1993) *Tekhnika politicheskikh mifov. Oktyabr'*, 7, pp. 153-164).
2. Cassirer E. (1977) *Philosophie der symbolischen Formen, Zweiter Teil, Das mythische Denken*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. (Russ. ed.: Kassirer E. (2011) *Filozofiya simvolicheskikh form. Vol. II: Mifologicheskoe myshlenie*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.).
3. Deleuze G. (1969) *Logique du sens*. Les Éditions de Minuit (Russ. ed.: Delez Zh. (2011) *Logika smysla*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.).
4. Eliade M. (1998) *Myth and Reality (Religious Traditions of the World)*. Waveland Pr Inc. (Russ. ed.: Eliade M. (2010) *Aspekty mifa*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.).
5. Freidenberg O.M. (2007) *Mif i literatura drevnosti* [The myth and literature of antiquity]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.
6. Geertz C. (1977) *The interpretation of cultures*. Basic Books (Russ. ed.: Girts K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur*. Moscow: ROSSPEN Publ.).

7. Golosovker Ya.E. (2012) *Imaginativnyi absolut* [Imaginative absolute]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.
8. Kol'ev A. *Mify natsii i "konservativnaya revolyutsiya"* [Myths of the nation and "conservative revolution"]. Available at: http://www.zlev.ru/56_1.htm [Accessed 23/08/15].
9. Lévi-Strauss C. (1978) Mif, ritual i genetika [Myth, ritual and genetics]. *Priroda* [Nature], 1, pp. 90-106.
10. Lévi-Strauss C. (1985) Kak umirayut mify [Dying of myths]. *Zarubezhnye issledovaniya po semiotike fol'klora* [Foreign studies on semiotics of folklore]. Moscow, pp. 77-88.
11. Losev A.F. (1996) *Mifologiya grekov i rimlyan* [The mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl' Publ.
12. Medinskii V.R. (2010) *O tom, kto i kogda sochinyal mify o Rossii* [Who and when wrote myths about Russia]. Moscow: OLMA Media Grupp Publ.
13. Pivoev V.M. (1991) *Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira* [Mythological consciousness as a way of mastering the world]. Moscow.
14. Plato. *Dialogues: Euthyphro, Apology, Crito, Phaedo* (Russ. ed.: Platon. (2012) *Filosofskie besedy (dialogi): Evtifron. Apologiya Sokrata. Kriton. Fedon*. Moscow: Librokom Publ.).
15. Shestov N.I. (2005) *Politicheskii mif teper' i prezhdde* [Political myth now and before]. Moscow: Olma-press Publ.
16. Tsuladze A. (2003) *Politicheskaya mifologiya* [Political mythology]. Moscow: Eksmo Publ.
17. Voevodina L.N. (2012) Struktura mifologicheskogo obraza i sotsial'naya dramaturgiya [The structure of the mythological image and social drama]. *Vestnik MGUKI* [Herald of MGUKI], 1 (45), pp. 50-55.
18. Žižek S. (1989) *The sublime object of ideology*. Verso Books (Russ. ed.: Zhizhek S. (1999) *Vozvyshennyi ob"ekt ideologii*. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal Publ.).